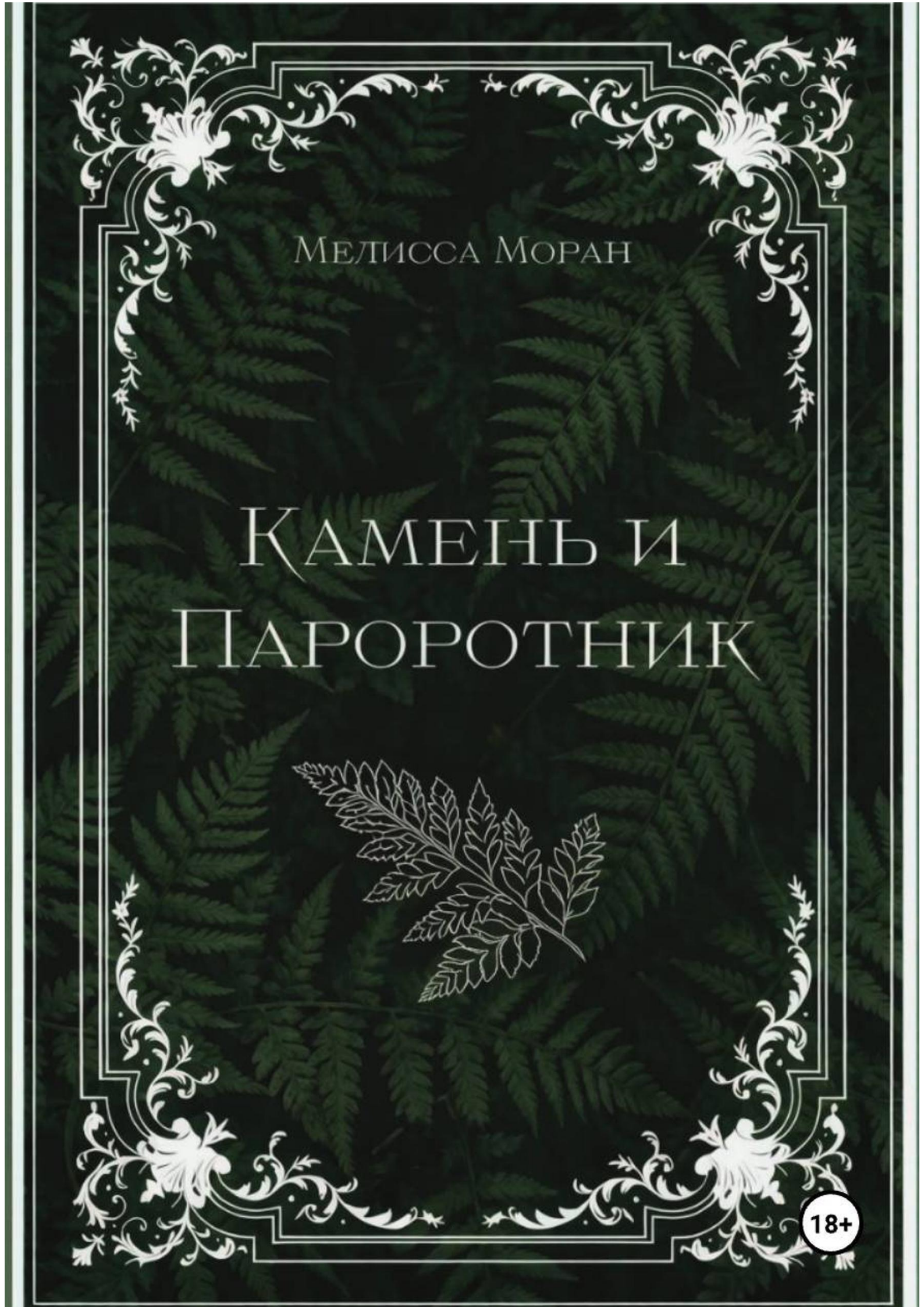

МЕЛИССА МОРАН

КАМЕНЬ И ПАРОРОТНИК

18+

Hedera Helix

Мелисса Моран

Камень и папоротник

«Автор»

2026

Моран М.

Камень и папоротник / М. Моран — «Автор», 2026 — (Hedera Helix)

Под старым кладбищем земля не остывает. От неё тянет глубокой, живой теплотой, которой не должно быть в ноябре. Воздух над «Холмами Прерий» пахнет не инеем и прелыми листьями, а чем-то сладковатым, тяжёлым. Иногда кажется, что земля дышит. Город хочет снести кладбище. Построить жилые кварталы. Забыть. Мэрил, привыкшая подписывать бумаги, получает задание — организовать геологическую экспертизу. Она звонит единственному человеку, которому доверяет. Тому, от кого ушла год назад. Лео — геолог, владелец лавки «Камень и папоротник». Он знает о камнях всё. А о том, что растёт между ними — почти ничего. Его бабушка когда-то рассказывала истории о доме, который дышал, о чёрных лилиях и о том, что остаётся в земле, когда всё уже сгорело. Он не верил. И зря. Под кладбищем что-то есть. Оно не злое, просто очень древнее. И оно ждёт. Это история о тех, кто спустился слишком глубоко. О тишине — той, что не лечит, а только ждёт, когда ты перестанешь бояться её и наконец услышишь.

© Моран М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мэрил	5
Глава 2. Лео.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мелисса Моран

Камень и папоротник

Глава 1. Мэрил

— Прежде чем строить новое, нужно убедиться, что земля под ним не дышит. Но кто проверяет дыхание, когда сам боится сделать вдох?

Кабинет заседаний пах остывшим кофе, дешёвым освежителем воздуха и усталостью. Мэрил знала этот запах так же хорошо, как запах собственной квартиры по воскресным вечерам — когда за окном темнеет, а ты ещё не включила свет, потому что не видишь в этом смысла.

Она сидела в конце длинного стола из прессованной стружки, лицом к окну. Место у батареи досталось ей по умолчанию — никто не хотел сидеть там, где воздух становился сухим и горячим, вытягивал влагу из глаз, заставлял моргать чаще, чем хотелось. Три часа заседаний, и её веки тяжелели с каждой минутой. Она давно перестала следить за стрелками часов на противоположной стене — они висели криво, кто-то задел, когда вешал плакат с планом городской застройки. Маятник не качался. Стрелки застыли на без четверти три, хотя на её телефоне было без пятнадцати двенадцать.

Хорошие часы. Дорогие. Сломались, потому что их забыли завести.

Как много вещей в этом городе забывали завести. Как много людей забывали включать свет, когда возвращались в пустые квартиры.

Папка с надписью «Холмы Прерий. Снос» лежала перед ней закрытой. Она не открывала её уже полтора часа — выучила наизусть все семь страниц технического обоснования, три страницы возражений, две сметы и одно официальное письмо от ритуального агентства за подписью трёх директоров. Она могла цитировать их во сне. Иногда, просыпаясь в три утра, она действительно их цитировала — шёпотом, в пустоту, глядя в потолок.

«Недопустимость надругательства над памятью предков».

«Повышенная концентрация органических соединений».

«Нестабильность грунта».

Слова. Просто слова. Она научилась с ними работать, складывать в нужном порядке, как кирпичи. Но от этого они не становились менее мёртвыми.

В кабинете было десять человек. Десять чиновников, юристов, экспертов, представителей общественности. Каждый что-то говорил, и каждое слово было правильным, обоснованным, документально подтверждённым. Голоса накладывались друг на друга, создавая ровный, убаюкивающий гул — как у старого холодильника, который работает без остановки, потому что его боятся выключать.

Мэрил почти не слушала. Она научилась выключать слух на этих заседаниях, оставляя только дежурное внимание — достаточно, чтобы кивнуть в нужный момент, сделать пометку в блокноте, не пропустить своё имя. Это был навык, как езда на велосипеде. Однажды научившись, ты не забываешь. Ты просто перестаёшь чувствовать руль.

В окно она видела кирпичную стену соседнего здания. Серую, в белых разводах от старой штукатурки, с ржавым кондиционером под самым карнизом. В кондиционере застряла пластиковая бутылка — кто-то бросил, и ветер занёс её туда, где она застряла навсегда. Теперь бутылка моталась при каждом порыве ветра, издавая тихий, жалобный скрип.

Мэрил смотрела на эту бутылку уже полгода. На каждом заседании. Она знала каждую царапину на её этикетке, каждую складку смятого пластика. Бутылка стала её якорем — точкой, за которую цеплялся взгляд, когда слова становились слишком громкими, а лица — слишком знакомыми.

Сегодня бутылка скрипела особенно настойчиво. Мэрил поймала себя на мысли, что это похоже на голос. На просьбу. На «вытащи меня отсюда», которое никто не слышит.

Она моргнула. Отогнала наваждение. Пластиковая бутылка не умела говорить. И даже если бы умела — у неё не было бы ничего важного, чтобы сказать.

Рядом с ней, на подоконнике, стоял папоротник в горшке. Растение когда-то было пышным, зелёным, с листьями, похожими на перья экзотической птицы. Теперь листья пожелтели, свернулись в трубочки, как высохшие пальцы, тянущиеся к кому-то, кого уже нет. Земля в горшке потрескалась — её не поливали недели две, может, три. Кто-то принёс папоротник в кабинет, когда в моде были офисные растения. А потом моде прошла, и папоротник забыли.

Как много вещей в этом городе забывали.

Мэрил отвернулась от окна. Её взгляд скользнул по столу — по разложенным бумагам, по пластиковым стаканчикам с недопитым кофе, по потёртым папкам с именами, которые она знала наизусть. Напротив сидела женщина из соцзащиты — молодая, лет тридцати, с круглым добрым лицом и вечно встревоженными глазами. Мэрил помнила, как она плакала в туалете после заседания, где решалась судьба детского приюта. Плакала тихо, стараясь не размазать тушь. Мэрил тогда стояла у соседней раковины и делала вид, что не слышит.

Она всегда делала вид, что не слышит. Это было проще.

Элен, начальница отдела, занимала место во главе стола. Женщина лет пятидесяти с голосом, не терпящим возражений. Она носила тёмные костюмы с широкими плечами — такими широкими, что казалось, она вот-вот взлетит. Волосы собраны в тугий пучок на затылке, ни одного выбившегося завитка. Лицо — сетка морщин, прочерченных не возрастом, а постоянным недовольством. Элен никогда не повышала голос. Потому что ей не приходилось.

Она говорила, и все замолкали. Не из страха — из усталости. Спорить с Элен было всё равно что спорить с бетонной стеной. Стена не слушает. Стена просто стоит.

— Граждане против, — говорила Элен, и в её тоне слышалась даже не усталость, а что-то более глубокое — утомление от глупости мира, который отказывался следовать её чёткой,

ясной логике. — Им плевать на безопасность. Им плевать на инфраструктуру. Им важно, чтобы “не тревожили прах”.

Она сделала воздушные кавычки, и её пальцы с коротко стриженными ногтями щёлкнули в воздухе, как ножницы. Мэрил заметила, что ногти у Элен всегда идеально ровные. Даже после выходных. Даже после больничного. Словно она вставала в шесть утра не только чтобы проверить почту, но и чтобы привести в порядок единственную часть себя, которая ещё могла выглядеть ухоженной.

— Но мы не можем вечно оставлять это место. Оно на границе жилого района. Дети лазают. Бомжи ночуют. — Элен перелистнула страницу в своей папке, и Мэрил увидела, как её пальцы дрожат. Не от волнения — от кофе. Элен пила чёрный, без сахара, по шесть маленьких чашек в день. Дрожь была привычной, почти незаметной, как тик. — Вода из-под кладбища, по данным санэпидстанции, содержит... — она заглянула в бумажку, — «повышенную концентрацию органических соединений».

Элен подняла глаза, обвела стол долгим тяжёлым взглядом. Её глаза были светло-серыми, почти прозрачными, без единого тёмного пятнышка. Глаза человека, который давно перестал чему-либо удивляться.

— Красиво сказано. По-человечески — там всё гниёт. Это место — позор города, — говорила Элен, и в её голосе впервые проскользнуло что-то личное. — Пока оно стоит, мы не можем развивать район. Это не дело. Мы обязаны дать людям нормальную жизнь.

Женщина из соцзащиты вздрогнула. Мэрил заметила, как она сжала ручку — костяшки побелели. Она слишком чувствительной для этой работы: переживала за каждого бездомного, за каждого ребёнка из неблагополучной семьи, за каждую старушку, которую выселяли из коммуналки. Мэрил иногда хотелось сказать ей: слёзы ничего не изменят. Переживания не помогут. Ты просто сгоришь быстрее, а они найдут кого-то ещё, кто будет сидеть на твоём месте и так же сжимать ручку.

Но Мэрил молчала. Она давно перестала давать советы, которые не просили.

Мужчина в очках с толстыми линзами, из юридического отдела был единственным, кто мог спорить с Элен дольше пяти минут, — откашлялся и подался вперёд. Очки съехали на нос, он поправил их привычным отрепетированным жестом — средним пальцем за дужку, чуть вверх и вправо. Мэрил видела этот жест сотни раз. Он был частью ритуала, как бормотание перед прыжком.

— У нас уже были прецеденты сноса старых кладбищ в других регионах. — мужчина говорил медленно, взвешивая каждое слово. Он любил, когда его слушали. Мэрил подозревала, что дома его никто не слушает. — В трёх случаях суд встал на сторону родственников. Потребовалась эксгумация.

— Здесь не будет эксгумации, — отрезала Элен. — Здесь будет технический снос. Мы не перезахораниванием останки. Мы переносим их в братскую могилу с воинскими почестями. — Она сделала паузу, давая словам осесть. — Формулировка «братская могила» устроит даже самых бдительных.

— Не устроит, — подала голос женщина из соцзащиты. Голос у неё был тихим, но чётким — как у человека, который привык, что его перебивают, и научился говорить быстро, чтобы успеть. — Мы уже получили семнадцать обращений. Люди не хотят, чтобы их родственников «переносили как мешки с картошкой». Это цитата.

Элен посмотрела на неё. Долго. Так долго, что та покраснела и опустила глаза в стол.

— Пусть приходят. Пусть забирают останки самостоятельно. — Элен пожала плечами. Плечи у неё были узкие, почти мальчишеские, но жест получился царственным — как у императрицы, отправляющей просителей восвояси. — Мы дадим им все разрешения.

— А если они не придут?

— Значит, не так уж они им нужны.

Женщина открыла рот, чтобы возразить — Мэрил видела, как дёрнулись её губы, как напряглись мышцы шеи, готовясь вытолкнуть слова. Но она посмотрела на Элен, на её каменное лицо, на её руки, лежащие на столе, как два оружия, — и закрыла рот.

В комнате повисла пауза.

Юрист что-то записал в блокнот. Эксперт из университета — пожилой мужчина с вечно сонными глазами, которого приглашали на все заседания, где требовалась «научная поддержка», — клевал носом. Он пришёл на кофеине, но кофеин кончился, а заседание — нет. Теперь его голова моталась вверх-вниз, как у китайской болванки. Мэрил почти слышала, как щёлкает его шея.

Она снова посмотрела в окно.

Бутылка скрипела. Папоротник желтел. Дождь начинал моросить — мелкий, назойливый, как память о человеке, которого ты пытаешься забыть, но он возвращается в самые неподходящие моменты. Капли стекали по стеклу, оставляя мутные дорожки, похожие на следы улиток.

Мэрил думала о Лео.

Это случилось внезапно, как всегда. Мысль о нём приходила без приглашения, втыкалась в сознание, как заноза, которую невозможно вытащить, потому что она слишком глубоко. Она не хотела думать о нём. Не сейчас. Не здесь. Не в этом кабинете, где пахло ложью и усталостью. Но тело не слушалось.

Она вспомнила его руки.

Лео всегда работал руками. Геолог, коллекционер, торговец камнями — его пальцы были грубыми, с обломанными ногтями, с мозолями на подушечках. Но когда он касался её — осторожно, почти благоговейно, как касаются хрупкого минерала, который может рассыпаться от одного неверного движения, — его руки становились мягкими. Тёплыми. Живыми.

Она не чувствовала их уже год.

Она запретила себе их вспоминать.

Год назад она сидела в пустой квартире — той, которую они снимали вместе, — и смотрела на коробки с его вещами. Геологические образцы, старые книги, засушенные растения в рамках. Он не забрал их сразу. Сказал: «Мне нужно время». А потом время прошло, и он так и не пришёл. Она вызвала грузчиков, отвезла коробки в его лавку, оставила у двери. Не позвонила. Не написала. Просто уехала.

С тех пор они общались дважды. Один раз — когда у неё сломалась машина, и ей не к кому было обратиться. Второй — когда он попал в больницу с отравлением. Старый гриб, неправильно определённый, он всегда был самоуверен в полевых условиях. Оба раза разговоры были сухими, краткими, как телеграммы. «Спасибо». «Не за что». «Пока».

Она не знала, жив ли он сейчас. Не знала, спит ли он по ночам. Не знала, завтракает ли он или забывает поесть, увлечшись очередным образцом. Появилась ли у него другая.

И не хотела знать.

Потому что знать — значит снова чувствовать. А чувствовать — значит рисковать. А рисковать она больше не могла.

После потери беременности, после больницы, после тишины дома, где должна была стоять кровать, — она построила вокруг себя стену. Кирпич за кирпичом. День за днём. Сначала стена была тонкой, сквозь неё пробивались голоса, запахи, воспоминания. Но она продолжала класть. И класть. И класть.

Теперь стена была крепкой. Почти неприступной.

Почти.

— Мэрил?

Она вздрогнула. Подняла глаза. Элен смотрела на неё — не строго, а выжидающе, как смотрят на подчинённую, которая отвлеклась в неподходящий момент.

— Вопросов нет, — автоматически сказала Мэрил. Это была её дежурная фраза. Она произносила её так часто, что слова слиплись в одно: «вопросовнет».

Элен прищурилась. Её серые глаза, прозрачные, как льдины, на секунду задержались на лице Мэрил — на тени под глазами, на бледных губах, на сведённых бровях. Она видела слишком много. Это было её проклятием и её силой.

— Хорошо, — сказала Элен и отвернулась.

Заседание продолжалось. Кто-то говорил про бюджет. Кто-то про сроки. Кто-то про общественное мнение. Мэрил не слушала. Она смотрела на папоротник на подоконнике и думала о том, что его уже не спасти. Корни пересохли, листья осыпались, земля превратилась в пыль. Его можно было выбросить. Поставить новый горшок с новым растением. Забыть.

Но кто-то же должен был его выбросить.

— Резюмирую.

Элен постучала ручкой по столу. Звук был глухим, тяжёлым — ручка была металлической, дорогой, с гравировкой «Лучшему руководителю» от предыдущего мэра. Элен никогда не пользовалась другими ручками. Она говорила, что эта приносит удачу. Мэрил подозревала, что Элен просто боялась перемен.

— Снос технически и юридически возможен. Всё, что нам нужно, — заключение геолога о том, что грунт стабилен и строительство безопасно. Чтобы закрыть рты всем этим общественникам. — Она обвела взглядом притихших чиновников. — Мы получим поддержку эксперта, и вопрос решится раз и навсегда. Я хочу, чтобы этот проект закрыли. Не ради денег — ради безопасности района. Понимаете?

Она повернулась к Мэрил.

Теперь она смотрела прямо на неё. Не сквозь, не мимо, а прямо. Мэрил почувствовала, как её плечи напряглись — автоматическая реакция на внимание, которого она не просила. Элен смотрела так, будто прямо сейчас рылась в её голове и знала про стену, про коробки с вещами, про больницу, про тишину. Будто всё это было написано у неё на лице.

— Организуешь геологическую экспертизу. Мне нужно заключение, что строительство на том месте возможно. Что земля держит. Что там можно строить жилые кварталы, паркинги, школы — что угодно.

Мэрил выпрямилась. Кивнула. Её голос, когда она заговорила, был ровным, без интонаций — таким же, каким она говорила с подчинёнными, с поставщиками, с таксистами.

— Формулировка «можно строить» не для официального заключения, — осторожно заметил юрист.

— Я знаю. — Элен даже не посмотрела в его сторону. — Поэтому мы закажем нормальную экспертизу. Мэрил, найди специалиста. Кто работает со старыми захоронениями.

— Геологов по таким объектам осталось мало. — Мэрил говорила ровно, без эмоций. — Кто готов дать заключение под такой объект — единицы.

— Найди.

— У меня есть один... знакомый. — Она запнулась на слове «знакомый». Слишком холодно. Слишком официально. Но она не могла сказать «друг». Не после всего. — Но он не из бюджетной сферы. Дорого.

— Деньги найдём.

Элен закрыла папку. Движение было резким, окончательным, как удар молотка. Заседание кончилось. Все могли идти домой, к своим пустым квартирам, к своим забытым растениям и ржавым кондиционерам.

— Мне нужно заключение за неделю. — Элен встала, и кресло жалобно скрипнуло. — И никакой мистики. Только факты.

Последние слова повисли в воздухе.

Мэрил подумала о Лео. О его лавке, заставленной минералами, о его пальцах, перебирающих образцы, о его голосе, когда он говорил: «Камень помнит. Камень никогда не врёт».

Она не верила в это. Не слышала их шёпота. Чувствовала от образцов только холод и тишину. Он говорил, что у каждого есть своя история и её можно расшифровать по цвету, плотности, вкраплениям. Она никогда не воспринимала это всерьёз.

Элен вышла. За ней потянулись остальные — эксперты, юристы, представители. Каблуки цокали по линолеуму, папки шуршали, голоса гудели, затихая в коридоре.

Мэрил осталась одна. Подошла к подоконнику.

Папоротник стоял на краю, его высохшие листья касались стекла. Мэрил коснулась одного из них — осторожно, как касаются больного места, которое болит даже от прикосновения воздуха. Лист хрустнул и рассыпался в труху, оставив на подушечке пальца тонкий рыжий налёт, похожий на ржавчину.

Она стряхнула его на пол. Не глядя.

В сумочке лежал телефон. Чёрный, потёртый по краям — она носила его без чехла, потому что чехлы казались ей лишними. Как и многие вещи. Как и цветы на рабочем столе. Как и фотографии в рамке.

Она достала телефон. Нашла контакт. «Лео».

Она не меняла имя в контакте. Не удалила номер. Не заблокировала. Всё это время он был здесь — в её телефоне, в её памяти, под её кожей.

Палец завис над кнопкой вызова.

В кабинете было тихо. Только часы на стене — другие, не сломанные — тикали с механическим равнодушием. Только дождь шелестел за окном, набирая силу, собираясь в лужи на асфальте, который завтра снова высохнет под утренним солнцем.

«Просто работа, — сказала она себе. — Просто работа».

Она нажала вызов.

И стала ждать.

Гудки были длинными, как дорога, куда не хочется возвращаться.

Один. Два. Три.

Она почти надеялась, что он не ответит. Что он занят. Что он сменил номер. Что он уехал в очередную экспедицию и забыл телефон в лавке, а лавка закрыта на неопределённый срок.

Четыре. Пять.

— Аллю.

Его голос. Низкий, чуть хриловатый, спокойный. Таким она его запомнила, когда он просыпался ради неё посреди ночи, а она не могла заснуть. Мэрил просила рассказывать его камнях, и Лео делал это.

Она зажмурилась. Сделала вдох. Стену внутри себя подремонтировала — кирпичик на кирпичик, раствор из молчания и боли.

— Лео, это Мэрил. Мне нужна твоя помощь.

Пауза. Короткая. Но в ней уместился год.

— Я слушаю.

Время застыло. Как всегда рядом с ним.

Глава 2. Лео.

— Камень не торопится. Камень ждёт. Тысячу лет, если надо. Он знает, что время работает на него. А люди — нет. Люди всегда куда-то бегут. Даже когда бежать некуда.

Лавка «Камень и папоротник» ютилась в подвальном помещении старых торговых рядов, где потолки были низкими, а окна — узкими, как бойницы. С улицы внутрь почти не проникал свет, и днём здесь горели лампы — тёплые, жёлтые, с абажурами из крашеного стекла. Они отбрасывали на стены причудливые тени, заставляя кристаллы в витринах мерцать, как живые глаза.

Лео любил этот полумрак. Он не выносил яркого света — тот делал камни плоскими, мёртвыми, лишёнными глубины. В темноте же минералы начинали дышать. Их грани ловили отражения, переливались, шептали. Каждый камень рассказывал свою историю — вену за веной, трещину за трещиной, включение за включением. Нужно было только уметь слушать.

Лео умел.

Он сидел за прилавком, перебирая образцы для завтрашней встречи с коллекционером. Две небольшие друзы аметистов — идеальные, насыщенно фиолетовые. Один кварц — молочный, матовый, с мелкими пузырьками воздуха внутри. Одноцветный флюорит — зелёный, как плесень на старом хлебе.

В руках у него был кусок обсидиана. Чёрный, гладкий, с острыми краями, которые резали даже сквозь перчатки. Вулканическое стекло. Рождённое огнём и пеплом, застывшее в момент ярости. Лео провёл пальцем по его поверхности — холодной, скользкой, как лёд на реке в ноябре.

В трещинах обсидиана иногда находят следы древних людей. Наконечники стрел, скребки, ножи. Камень помнил их пальцы, их пот, их страх перед темнотой.

«Мы думаем, что владеем камнями, — часто говорил Лео посетителям, которые спрашивали, зачем ему всё это. — А на самом деле камни владеют нами. Они были здесь до нас. И останутся после».

Посетителей было немного. Лавка не приносила большого дохода — достаточно, чтобы платить за аренду, закупать новые образцы и иногда заказывать пиццу на ужин. Лео не жаловался. Он привык к тишине, к запаху пыли и ладана, к скучной однообразной работе.

Он сидел под лампой, склонившись над образцом, и свет выхватывал его лицо — не молодое, но и не старое, без морщин, с гладкой кожей. Череп — чисто выбрит или коротко стрижен, он давно перестал следить за длиной, просто проводил машинкой раз в неделю, не глядя в зеркало. Рыжина. В его волосах всегда была рыжина — не медная, как у его бабушки Молли, а приглушённая, охристая, как у камней, которые он привозил из пустынь. Даже на короткой стрижке она была заметна — на солнце, если он выходил на улицу, голова вспыхивала тёплым, ржавым огнём.

Борода — аккуратная, окладистая, чуть темнее волос, с рыжими проблесками на скулах. Он ухаживал за ней — не из тщеславия, а из привычки к порядку. Когда работаешь с мелкими образцами, ничего не должно мешать. Коротко, чисто, удобно.

Очки с почти невидимой оправой сидели на его лице, как часть его самого. Тонкие дужки, лёгкие линзы — он носил их с университета, сменил несколько пар, но форма оставалась той же. Иногда он снимал их, чтобы протереть, и без них его лицо казалось незащищённым, почти детским. Глаза — темно-серые — смотрели спокойно, внимательно, без обычной для его возраста суеты. Но когда он задумывался, взгляд тускнел, опускался куда-то вниз, в себя, и тогда казалось, что Лео сейчас не здесь, а очень далеко — в поле, в горах, или в том месте, куда не может войти никто.

Женщины находили его красивым. Он знал это, хотя никогда не придавал значения. Знакомые говорили — «интересный», клиентки — «приятный», но он видел их взгляды, которые задерживались дольше, чем требовала вежливость.

Сейчас ему было всё равно.

Он не замечал их. Не потому, что был слеп или груб. Просто его внимание было занято другим — камнями, экспедициями, историями, которые хранили минералы. Люди казались ему слишком быстрыми. Они приходили, говорили, уходили. Их голоса звучали громко и резко, как удары молотка по незакреплённому образцу. Они требовали ответов, которых у него не было. Они задавали вопросы, на которые он не хотел отвечать.

Женщины, которые заходили в лавку, часто задерживались дольше. Они рассматривали украшения из полудрагоценных камней, трогали кристаллы, спрашивали про астрологию и фэн-шуй. Лео вежливо отвечал, объяснял, помогал выбрать. Но когда они начинали улыбаться слишком широко или находили повод коснуться его руки, он отстранялся — мягко, но твёрдо. Не потому, что они были ему неприятны. Просто его сердце было занято. Или пусто. Он сам не мог понять.

Иногда он думал о Мэрил. Не каждый день — она, скорее, была фоном. Но и не с болью — с глухим, ноющим ощущением, похожим на ломоту в костях, которая утихает, но не проходит. Он вспоминал её волосы — плотные, чёрные, с синим отливом, рассыпающиеся по подушке. Её голос, когда она смеялась — низкий, грудной, заразный. Её пальцы, перебирающие его образцы, когда она заходила в лавку после работы.

«Этот красивый, — говорила она, поднимая розовый кварц к свету. — Как конфетка».

«Это не конфета. Это камень, который миллионы лет формировался в недрах земли».

«А похож на конфету».

Она не понимала камней. Но она понимала его. Или ему хотелось так думать.

Потом случилась та осень. Беременность. Радость, которую они боялись назвать вслух, чтобы не спугнуть. Потом больница. Потом тишина. Потом она ушла — не хлопнув дверью, не собрав чемоданы, а просто перестала приходить. Сначала не зашла в лавку. Потом не ответила на звонок. Потом её вещи исчезли из ванной, с полки, из шкафа.

Он не искал её. Он решил, что так будет лучше. Для неё. Для него. Для того, чего больше не было.

Сейчас, сидя за прилавком с обсидианом в руке, Лео поймал себя на мысли, что не знает, как она сейчас выглядит. Не помнит черты её лица — только размытые пятна, как на старой фотографии, которую держали на солнце. Отрастила волосы или до сих пор подравнивает свое строгое каре. Купила ли тот синий костюм с юбкой, в полоску.

Но он хорошо помнил другую женщину, свою бабушку, когда она была молодой и не успела согнуться под тяжестью лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.